м. в. левченко

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ВОПРОСУ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В X ВЕКЕ

("Записка греческого топарха")

История византийско-русских связей, несмотря на наличие ряда ценных работ русских ученых, в частности академика В. Г. Васильевского, продолжает оставаться едва ли не одной из наименее разработанных областей русской историографии. Скудны в этом отношении и сохранившиеся источники, как русские, так и византийские. К тому же некоторые из византийских источников лишь с очень большим трудом поддаются истолкованию. К числу таких "загадочных" источников принадлежит и так называемая "Записка греческого топарха".

Три отрывка этой "Записки" в 1819 г. издал французский визан-

Три отрывка этой "Записки" в 1819 г. издал французский византинист Бенедикт Газе (1780—1864) в комментарии к Льву Диакону, сочинение которого он впервые напечатал по поручению русского канцлера Н. Н. Румянцева. Записку греческого топарха Газе нашел в одном кодексе, который содержал разные письма Василия Великого, Фаларида и Григория Назианзина и по почерку относился к концу Х в. Отрывки были написаны на пустых страницах этого кодекса, не подряд, а в разных местах, другой рукой и относятся к несколько более позднему времени. Эти заметки не были похожи на копию готового сочинения. Они были испещрены поправками. Многие слова зачеркнуты, написаны наверху, заменены другими. Газе нисколько не сомневался, что автор этих заметок был владельцем кодекса, а заметки представляют его автограф.

Кодекс был впоследствии утерян и до сих пор не разыскан. Отрывки, напечатанные Газе, породили целую литературу, но содержание их до настоящего времени остается загадочным. Объясняется это прежде всего особенностями самого памятника, о котором Ф. И. Успенский писал, что он "представляет мало реальных черт, чтобы сделать о нем положительное заключение", а во-вторых, стремлением без достаточных оснований связать этот памятник с историей крымских готов; историки норманисты, как известно, пытались все события древнейшей истории Руси IX—X вв. приписать деятельности германской расы.

Издатель отрывков Газе связал их с указанием Льва Диакона о взятии Херсонеса "тавроскифами". К Херсонесу Таврическому, по

Litteris minutis perplexisque admodum, nec multo quam ipse codex recentioribus. Corpus Script. Hist. Byzant. XI, 496.
² Tam me.

³ Leonis Diaconi. Historiarum libri X, Bonn, 1828, p. 496: "Haec est illa Chersonis a Wladimiro occupatio".

мнению Газе, приурочивается упоминание "Климатов". Этим он, впрочем, и ограничился в объяснении отрывков и писал: "А какой это народ, которому начальник отряда, кто бы он ни был, отдал вверенный ему город, об этом пусть рассудят ученые, соединяющие знание тех времен с здравым суждением". Но для нас остаются очень важными палеографические наблюдения Газе. Так как эти отрывкиавтограф, то время их появления определяется временем рукописи. Газе отнес кодекс, в который они вписаны, к концу Х в., а почерк самых отрывков характеризовал как несколько более поздний — начала XI в. До тех пор, пока не удалось разыскать рукопись и проверить утверждение Газе, очевидно, должна оставаться в силе установленная им по палеографическим данным хронология рукописи. За намек Газе ухватился А. Куник. Куник видит в авторе "Записки" уже не корсунского стратига и наместника, а топарха готских Климатов или областей на юге Крымского полуострова. В неприятелях, опустошавших соседние с готскими поселениями области Тавриды, Куник видит хазар, но князем, которому покорились, или, лучше сказать, протекторат которого признали готы, он считает русского князя, скорее всего Святослава. Начало протектората русских князей над областью крымских готов Куник относит к 940 г. и предполагает, что протекторат этот продолжался до смерти Святослава. По мнению Куника, готы в X в. пользовались в Крыму значительной самостоятельностью, имели своего выборного представителя — топарха, который отстаивал их интересы. Расходясь с Куником в вопросе о роли готов, все другие исследователи до В. Г. Васильевского также приходили к заключению, что местом, где происходили события, описываемые в отрывках, был южный берег Крыма.2

В. Г. Васильевский в своем исследовании о "Записке греческого топарха", выпущенном в 1877 г., в котором он дал перевод отрывков с весьма ценным историко-филологическим комментарием, приходит к совершенно другим выводам. Еще Куник был вынужден отметить несоответствие некоторых выражений отрывков с отнесением их к Крыму. Васильевский доказывал, что упоминание о местности "на север от Дуная" и города Маврокастрона, соответствующего Аккерману (в устье Днестра), приводит нас к местности придунайской. Васильевский показал, что слово "Климаты" может относиться не только к климатам в Крыму, но употребляется для обозначения весьма разнообразных местностей; что "Климаты" наших отрывков — не область, а город. Васильевский локализовал этот город в Κλεμάδες, одной из юстиниановских крепостей на среднем Дунае, упоминаемой Прокопием.

В целом Васильевский много сделал для разъяснения загадочных фрагментов, и эта его работа, так же как и другие, до настоящего времени не утратила своей ценности. К сожалению, впадая в противоречие с им самим отстаиваемыми хронологическими определениями Газе, Васильевский старается поставить содержание отрывков в связь с

¹ А. Куник. О записке Безымянного Таврического (Anonymus Tauricus) в отчете о присуждении 14 наград гр. Уварова 25 сент. 1871 г., стр. 106—110. О "Записке готского топарха"— в "Записках Акад. Наук", т. XXIV, 1874, стр. 61—93; 116—127.

2 Н. Höhne. Beiträge zur Geschichte und Archaeologie von Chersonesus in Taurien, St. Petersburg, 1848, S. 220—222; С. А. Гедеонов относил время событий к Святославу ("Отрывки в Варяжском вопросе". Прилож. к І т. "Записок Акад. Наук", 1862, стр. 66—70); Н. П. Ламбин относил события ко времени Олега (ЖМНП, ч. CLXXI, 1874); И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1882.

походом Святослава в Болгарию. Выть может, поэтому выводы Васильевского не получили признания в русской научной литературе.

С критикой взглядов Васильевского выступил Бурачков, помещавший без достаточных оснований Климаты на Днепре к югу от Крарийской переправы.²

Бурачков предполагает, что восточнославянское племя уличей незадолго до 944 г. нарушило свои отношения с корсунянами и в союзе с черными болгарами начало тревожить корсунские волости и города, находившиеся вне Крыма по дороге к Днепру. В "царствующем на севере Дуная" Бурачков хочет видеть Игоря.

Ф. И. Успенский и П. Н. Милюков сделали попытку окончательно освободиться от хронологии Газе и перестали искать объяснения отрывков в области исключительно русско-византийских отношений. В 1881 г. Ф. И. Успенский высказал мнение о содержании "Записки" в работе "Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX—X вв." 3

Успенский восстал против положений как Куника, так и Васильевского. Отбрасывая хронологические данные Газе, он приурочивает содержание "Записки" к 903—904 гг., отождествляет "царствующего на севере Дуная" с Симеоном, царем болгарским, переносит "Климаты" на Дон и усматривает в авторе "Записки" византийского военачальника, задача которого заключалась будто бы в расширении греческих владений и усилении византийского влияния к северу от Крыма. Военная экспедиция была предпринята, по его мнению, в населенную хазарами область. Византийский предводитель, утверждаєт Успенский, счел нужным построить крепость, под защитой которой должны были найти безопасность сочувствовавшие византийской партии хазары. Он энергично выполнил свое дело, несмотря на затруднения, которые встречал как в набегах печенегов, так и в малодушии и недоверчивости местного населения. Но закончив постройку крепости, он нашел отрезанными пути отступления в Крым и был вынужден поздней осенью пробираться со своим отрядом к одному из черноморских

Взгляды Успенского встретили резкий отпор Васильевского, указавшего, что Успенский допускает необоснованные, противоречащие прямым показаниям источников, предположения, произвольно относя построение Саркела ко времени правления Льва Мудрого, видя в Саркеле византийскую, а не хазарскую крепость, принимая Петрону за автора "Записки".4

В 1897 г. еще одну "теорию" истолкования загадочных фрагментов предложил будущий лидер кадетской партии П. Н. Милюков. Милюков пытается примирить взгляды Васильевского и Успенского. Подобно Васильевскому, он относит место действия к придунайским областям. Подобно Успенскому, он видит в "царствующем на севере Дуная"

¹ В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки, IV, "Записка греческого топарха". ЖМНП, CLXXXV, 1876, июнь, стр. 368—434. Перепечатано в "Трудах" В. Г. Васильевского, т. II, вып. 1, стр. 136—212.

2 П. Бурачков. О записке готского топарха. ЖМНП, ч. СХСП, 1877, стр.

^{3 &}quot;Киевская старина", т. XXV, 1889, стр. 253—254, 264—269, 273—280, 285—299.

4 О построении крепости Саркел. ЖМНП, ч. ССLXV, 1889, октябрь, стр. 202—205.

⁵ П. Милюков. Время и место действия записки греческого топарха. "Труды VIII археол. съезда в Москве", 1897, т. III, стр. 278—289.

болгарского царя Симеона. По Милюкову, события, описываемые в "Записке", происходят между 893 и 913 гг. По его мнению, в "Записке" речь идет о полунезависимой области в низовьях Дуная, по соседству с которой находился город, занятый византийским гарнизоном. Милюков предполагает, что это тот самый Маврокастрон, о котором говорится в первом отрывке. "Царствующий на севере Луная" — Симеон Болгарский, вступивший в войну с Византией, союзниками которой были венгры. В 892 г. венгры, занимавшие Бессарабию, населенную уличами и тиверцами, полузависимыми от Болгарии, ушли в поход против Моравии. Воспользовавшись их отсутствием, Симеон прервал переговоры с Византией, вторгся в Бессарабию, страшно опустошил ее и затем обрушился на Византию. В 893 г. он заставил Византию заключить постыдный для нее мир. После этого соседи топарха не только не захотели подчиняться Византии, но и принудили топарха искать подтверждение своей власти у государя, победившего Византию. Топарх называет Симеона "царствующим на севере Дуная" потому, что он якобы имел с ним дело именно в этом качестве как с государем левого берега Дуная, на котором он сам находился. Милюков обходит вопрос, каким образом на левом берегу Дуная появились византийские владения и гарнизоны в то время, когда Византия не была в состоянии защитить свои основные владения во Фракии и Македонии, и как Симеон, ожесточенный враг Византии, мог после своих побед разрешить византийскому топарху обосноваться с своим гарнизоном в Придунайской области. Второе серьезное возражение против его "теории" - несоответствие хронологическому определению Газе — Милюков пытается отвести указанием, что хронология у Газе менее точна, чем в ссылках на него у позднейших исследова-

Неудача гипотез Успенского и Милюкова снова выдвинула на арену старые взгляды Куника.

В 1901 г. (через 25 лет после появления работы Васильевского) ученик Куника, немецкий историк Ф. Вестберг, выпустил работу под названием "Die Fragmente des Toparcha Gotticus", в которой с еще большим жаром, чем Куник, старается доказать, что "Записка готского топарха" имеет дело с крымскими готами, что ее родина и место действия—Горный Крым. Варвары, с которыми топарх вел войну, по его мнению—хазары; события, упоминаемые в "Записке", относятся ко времени Святослава.¹

Своей ученой заслугой в отношении "Записки" Вестберг считает окончательное, как он думает, установление хронологии событий: январь 963 г. как время переправы топарха через Днепр. Работа Вестберга встретила обоснованную критику со стороны Ю. Кулаковского ги Ф. Успенского, которые показали, что Вестберг на протяжении всей работы оперирует использованным до него ученым материалом и склоняется к уже раньше высказанным мотивированным решениям, причем ни одно из них Ф. Вестбергу не удалось подкрепить каким-нибудь новым материалом и, таким образом, большинство этих решений является попрежнему лишь догадками и гипотезами.

^{1 &}quot;Записки Акад. Наук", т. V, № 2, 1901; F. Westberg. Die Fragmente des Toparcha Gotticus. "Византийский Временник", т. XV, вып. 1, "Записка готского топарха".

² ЖМНП, ч. СССХL, 1902, стр. 449—459. ³ "Записки Акад. Наук", т. VI, № 7.

Несмотря на эту критику, взгляды Ф. Вестберга получили преобладание в буржуазной исторической литературе. Так, историки средневекового Крыма Ю. Кулаковский и А. Шестаков считают наиболее достоверным мнение Куника, поддержанное Вестбергом, об отношении "Записки" к области Южного берега Крыма, признают, что Херсонес и соседняя с ним Готия искали в то время покровительства киевского князя и переговоры топарха имели целью обеспечить его протекторат над готскими Климатами, в то время терпевшими всякие обиды от некогда дружественных хазар. Кулаковский полагает, что в связи с этими отношениями топарха со Святославом стоит поход последнего на хазар и взятие им крепости Белой Вежи (965).

В монографии эмигранта А. Васильева "Готы в Крыму" безмерно преувеличивается роль готов в Крыму. Автор пытается доказать, что "с точки зрения общего фона политических, социальных и экономических отношений в бассейне Черного моря Готия должна быть рассматриваема и изучаема, как один из существеннейших элементов в процессе развития европейской цивилизации Ближнего Востока

в целом и Крыма в частности".2

А. Васильев считает "Записку" одним из важнейших источников для уяснения готской проблемы в Крыму; он не сомневается, что события относятся к Крыму. Гіо его мнению, желая восстановить свое падающее влияние в Крыму, хазары в 962 г. прибегли к насилию и грабежу. Они напали на Готию и разрушили стены главного города. Главный город готов в Крыму, правда, назывался Дорос или Дори, а в "Записке" он называется Κλίματα. Но Васильев думает, что топарх дает городу имя всей страны. Когда Дорос был разрушен, топарх решил перенести свою резиденцию в Мангуп, хотя Васильев и признает, что описание Κλίματα в третьем отрывке мало напоминает Крымский Мангуп. По его мнению, не надеясь на помощь Византии, топарх привлек русских, колонизация которых уже пустила корни в Крыму. Васильев расходится с Вестбергом только в том отношении, что сторонников топарха, о которых говорится в третьем отрывке, он не признает готами, а видит в них руссов, начавших проникать в Крым с IX в.

Как мы уже сказали, эта теория Куника — Вестберга является гос-

подствующей в буржуазной историографии.

Обратимся теперь к самому памятнику и на основании его данных проверим, насколько эта точка зрения соответствует исторической истине. Если мы обнаружим, что теория Куника — Вестберга не находит достаточного обоснования в источнике, то следует заново и самостоятельно решить три основных вопроса, составляющих загадку "Записки", а именно: о месте, где развертываются события, о времени этих событий, наконец, о том, кто были варвары, опустошавшие область топарха, и кто был "царствующий на севере Дуная", под протекторат которого отдался топарх.

Фрагменты прежде всего дают нам возможность составить известное представление об их авторе. Автор не называет себя, не определяет своего происхождения и звания. Нужно, однако, подчеркнуть, что во фрагментах нет даже и намека на его принадлежность к готам. Давно уже признано, что автор был начальником, или топархом, маленькой области, имевшим в своем распоряжении небольшой военный

 ¹ Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды; А. Шестаков. Памятники христианского Херсонеса.
 2 A. Vasiliev. The Gots in the Crimea. Cambridge, 1936, praeface, p. VII.

отряд. Его положение характеризуется выражением $\dot{\eta}$ 'εμ $\dot{\eta}$ 'αρχ $\dot{\eta}$ или 'εμοὶ δέ την τῶν Κλημάτων 'αρχ $\dot{\eta}$ ν 'ασμένως πάσαν ἔδοτο. Во фрагментах, как показал Ф. И. Успенский, дано немало военных терминов, совпадающих с терминами византийских трактатов по военному делу X - XI вв. Для характеристики военного дела "Записка" представляет значительный материал, из которого можно заключить о принадлежности автора к военному сословию.

Автор — образованный византиец, хорошо знакомый с античной литературой, в частности с Фукидидом; он пишет хорошим литературным языком. Он имеет, повидимому, значительные познания и в области астрономии. Автор — лойяльный византийский чиновник, но он находится в исключительных обстоятельствах. Необычно и путешествие по Днепру зимой, и война с варварами, и собрание сторонников топарха, и решение собрания. Исключительные обстоятельства заставляют топарха действовать с большой энергией и принимать самостоятельные решения. Цели "Записки" могут быть различными. Может быть, это проект донесения высшим властям, может быть, набросок литературного произведения или заметки для памяти. Во всяком случае это не дневник. Здесь мы находим такой взгляд на рассматриваемые события, который предполагает события уже совершившимися и ближайшие последствия их уже определившимися.

В первом отрывке мы видим возвращение византийского чиновника поздней осенью из какой-то поездки. Автор отрывка — военный, стоящий во главе отряда. Мы не знаем, что это была за экспедиция и какова ее цель, но ясно, что, следуя по Днепру, отряд направлялся к югу, возвращаясь из чужой земли домой (πρὸς τὰ δἰκεῖα,) т. е. в одну из областей Византийской империи. Первый фрагмент не имеет начала и начинается словами: "Они (т. е. спутники автора) с трудом спускались по реке (κατήγετο)" (κατάγομαι — синоним κατέρχομαι). В. Г. Васильевский переводит "приставали", усмотрев из дальнейшего, что описывается переправа через Днепр. Но мы не можем согласиться с Васильевским; из дальнейшего текста вытекает, что путешественники спускались вниз по Днепру и были захвачены ледоходом. В таком случае нет основания отступать от основного значения глагола.

Во второй главе первого отрывка В. Г. Васильевский переводит: "Совершив переправу беспрепятственно и прибыв в селение Борион, мы занялись едой и уходом за лошадьми". Так же переводит и Вестберг. Вопрос о месте переправы вызвал ожесточенные споры исследователей. Вестбергу и Бурачкову казалось не подлежащим сомнению, что переправа происходила в порожистой части Днепра. В факте переправы топарха Вестберг выдвигал главный аргумент против выводов Васильевского. "Я со своей стороны, — писал Вестберг, — особенно напираю на то обстоятельство, что переправа топарха у Днепровских порогов исключает положение Маврокастрона к западу от низовьев Днепра". 4

Кулаковский местом переправы топарха считал Крарийскую переправу, о которой говорит Константин Порфирородный, расположенную недалеко от острова Хортицы (Кичкаса), и указывал, что в тексте нет никакого намека на пороги. 5

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 148.

Там же, стр. 146.
 "Византийский Временник", XV, стр. 151.

⁴ Тем же, стр. 102. ⁵ ЖМНП, ч. СССХL, 1902, апрель, стр. 449—459.

Но в тексте, собственно, не говорится о переправе. Так как из предыдущего видно, что путники двигались по льду замерзшего Днепра, то переправляться им не было необходимости. М. А. Шангин уже заметил, что глагол $\delta \alpha \beta \alpha i \nu \omega$ не заключает еще сам по себе понятия переправы, но только переход известного пространства и что указанное место можно перевести так: "Пройдя беспрепятственно (дальнейший путь) и достигнув деревни Бориона, мы занялись едой и уходом за конями". 1

Многочисленные споры возникали по вопросу о местоположении селения Борион. В. Томашек локализовал Борион у Николаева. Вурачков искал Борион около Ненасытецкого порога. "По-гречески, писал он, — βορός — значит прожорливый, ненасытный. Отсюда произошло название селения Бориона и Ненасытецкого порога". Отголоски греческого названия сохранились, по мнению Бурачкова, в следующей за Ненасытецким порогом Вороновой Заборе и реке Вороной. 3 "Всего скорее селение Борион нужно искать при нижнем течении реки Днепра, где можно предполагать какие-либо греческие, в частности, корсунские владения или же поселения и фактории для торговли, для рыбной ловли".4 Основанием для такого заключения может служить участие, которое жители Бориона приняли в византийских путниках. Они долгое время оказывали им гостеприимство, а затем снабдили их в дорогу продовольствием, фуражом, проводниками. В начале третьей главы мы читаем: "И вот мы выступили в сопровождении местных жителей. Все меня горячо приветствовали рукоплесканиями, и каждый смотрел на меня, как на своего друга, и возлагал большие надежды". Такие проводы говорят за то, что жители Бориона были лично заинтересованы в успехе предприятия и что они сами византийского происхождения. Из данных некоторых источников можно сделать вывод о существовании поселений византийцев в низовьях Днепра в конце Х — начале XI в. Так, у Константина Порфирородного в De administrando imperio мы читаем: "От реки Днепра до Херсона триста миль; посреди же находятся озера и гавани, где херсонесцы добывают соль .5 В другом месте Константин говорит, что херсонесцы "возвращаясь из Руси, переправлялись через Днепр". 6 "Гречников", живущих у днепровских порогов, упоминает наша летопись. Таким образом, у нас есть основания предположить, что греки для торговли с Русью и наблюдения за действиями кочевников могли иметь поселения на Днепре, что печенеги в X в. не препятствовали грекам ездить на Русь и обратно, так как их взаимоотношения были регламентированы. \mathcal{A} алее нам известно, что херсонесцы с давних времен занимались весьма важным для них рыбным промыслом в устьях Днепра, где у них были фактории.

Во время похода Игоря на Константинополь корсунцы успели предупредить цареградцев о готовившемся нашествии, и в заключенном затем договоре встречаются уже прямые указания на Корсунскую страну и устья Днепровские, где сталкивались интересы обоих народов.

¹ М. А. Шангин. Византийские источники о войне Святослава с греками, стр. 114 (Архив ЛОИИ, рукопись).

² "Die Gothen in Taurien". Wien, 1881, S. 38.

³ П. Бурачков. О записке готского топарха. ЖМНП, ч. СХСИ, 1877, стр.

⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 149.

⁵ De administrando imperio, cap. 42.

⁶ Ibid., cap. 9.

⁷ Летопись по Ипатьевскому списку, СПб., 1871, стр. 360

В особой статье договора 945 г. было оговорено обязательство Руси не причинять обиды христианским рыболовам. Самые местности указаны весьма точно: устье Днепра, Белобережье (Ахиллесово ристалище, ныне Тендра) и остров св. Эльферия (по локализации академика Латышева — Кинбургская коса). 1 Статья договора Игоря 945 г. "О Корсунской стране" говорит: "Аще обрящет в вустье Днепровском Русь корсуняны рыбы ловяща, да не творит им зла никакоже и да не имать власти зимовать в вустье Днепра, Белобережьи, ни у святого Эльферия, но аще придет осень, да идут в домы своя, в Русь".2 Очевидно, корсунцы, промышлявшие рыболовством в устьях Днепра, имели свои становища в Белобережье (Леихи йхти), на Ахиллесовой косе и на острове св. Эльферия, где нередко зимовали и запоздавшие на море руссы. Мы не можем утверждать, что низовья Днепра — обычное место встреч промысловых и торговых людей Руси и Херсонеса принадлежали к херсонским владениям, но это не исключает возможности существования греческих поселений постоянного характера вроде Бориона, упоминаемого в "Записке греческого топарха". А. Шестаков отождествлял Борион с Олешьем. Этот населенный пункт впервые упоминается в наших источниках в 1084 г., но, несомненно, он возник гораздо раньше. В XI—XII вв. киевские князья очень заботились о безопасности Олешья.4

Отождествление Олешья с современными Алешками оспаривается рядом исследователей. 5 Поэтому мы должны ограничиться выводом, что селение Борион следует искать в нижнем течении Днепра, где можно предполагать херсонесские поселения и фактории для торговли.

В Борионе топарх был задержан жестоким северным ветром и вьюгой, и прошло немало дней, прежде чем погода улучшилась и топарх получил возможность продолжать путь "по направлению к Маврокастрону". Относительно местоположения Маврокастрона также существуют большие разногласия. Исследователи, относящие область топарха в Крыму, естественно, стремятся искать Маврокастрон в Крыму или на дороге к Крыму, но встречают в этих своих поисках большие трудности. Византийские и другие средневековые документы сохранили нам названия крымских городов и населенных пунктов, но ни один из них не назывался Маврокастроном. Мы знаем названия населенных пунктов южного берега Крыма, где в описываемую эпоху главным образом и сосредоточивалось оседлое население. В "Готии", под которой подразумевается территория южного берега между Балаклавой и Сугдеей (исключая Херсонес), насчитывалось от 30 до 40 населенных пунктов (30 — у Константина Порфирородного, 40 — у Барбаро). Древний центр "Готии" назывался у византийцев Дори. Другие населенные пункты носили названия: Ускут Каламита (Инкерман), Символон (Балаклава), Ласпи, Кастропуло, Кикенеиз, Симеиз, Алупика, Хурмс, Месихори, Гаспара, Ливадия, Фуллы, Сикита (Никита), Палеокастро, Сугдея, Кафа, Ялита, Гурзувиты, Партенит, Лампай, Алустий и др. Брун готов был признавать Мангуп за Маврокастрон, а позднее

¹ ЖМНП, 1899.

² Полн. собр. русских летописей, изд. Археол. комиссии, т. I, СПб., 1841, стр. 21.

3 А. Шестаков. Памятники христианского Херсонеса, вып. 3, стр. 75.

4 ПСРА, т. II, 1926, стр. 522.

5 В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 190.

6 W. Tomaschek. Die Goten in Taurien. Wien, 1881, S. S. 70—75.

⁴ Византийский Временник, том IV

высказался за Карасубазар. Куник в поисках Маврокастрона указывал на географические термины средневековых итальянских карт: Nigropoli, Nigropilla, но Васильевский убедительно показал, что название замка или крепости Нигрополи, обозначаемой на некоторых позднейших картах к северу от Перекопского залива, происходит от греческого τὰ Νεχρόπυλα, как этот залив назывался у греков, и, следовательно, никак нельзя думать, что Нигрополи — итальянский перевод Маврокастрона. Васильевский также указывал, что "ни Мангуп, ни Карасубазар не имеют... никаких особых прав присваивать себе чужое имя: первый назывался по-гречески в византийскую эпоху οί Θεώδωροι (Castello Theodoro) или просто Δορός; последний, хотя и заключает в себе указание на Черную воду (Карасу), зато едва ли даже существовал в средние века". После появления работы Васильевского в 1891 г. де Боор опубликовал список епископств VIII в., где среди епископств, относящихся к диоцезу Готии, упоминается епископская кафедра τοῦ Χαρασίου и сделано пояснение: "'εν ῷ λέγεται το μαύρον ναιρών". З Де Боор читает: "μαύρον ναιρών κακ μαύρον νερόν", очевидно, предшествующее Χαρασίου — эквивалент турецкой формы "Кара-су". А. Васильев отождествляет этот населенный пункт с современным Карасубазаром.⁴ Бурачков считает, что Карасубазар находится на кратчайшей дороге, если ехать в Крым через Арабатскую стрелку или Чонгар, но сам Бурачков в другом месте справедливо недоумевает, "какая нелегкая могла бы понести нашего топарха от Днепра в крымские Климаты (не кратчайшим путем через Перекоп, а кружным путем, через Чонгар) среди зимы, при отсутствии воды и подножного корма, в виду неприятелей". 5 Однако уже Бромберг указал, что открытый де Боором византийский μαύρον ναιρών не мог быть современным Карасубазаром, так как последний в средневековых итальянских документах носит название Karason , или Barason. 6 Открытый де Боором μαύρον ναφών Бромберг ищет на р. Черной вблизи Бальбека, недалеко от Инкермана. Но если византийский μαύρον ναιρών и локализовать здесь. то какое основание отождествлять этот μαύρον ναφών с Маврокастроном "Записки греческого топарха"?

Столь же мало обоснованной является попытка Бертье де Лагарда отождествить Маврокастрон с бывшим громадным имением гр. Мордовцева "Черная долина" и селением Черненькое, лежащим на пути от Каховки на Днепре к Перекопу. Ни в одном письменном источнике нет указаний на этот пункт. Единственным аргументом, приводимым Бертье де Лагардом, служат современное название "Черная" и найденные здесь византийские монеты.⁷

Таким образом, попытки найти Маврокастрон в Крыму нельзя признать успешными. С другой стороны, как указывал Васильевский, в средние века при устье Днестра существовал очень известный город с таким названием. В период генуэзских поселений в Крыму и южной России это был крупный центр хлеботорговли, не уступавший по

¹ Брун. Черноморье, т. І, стр. 177 сл.
² В. Васильевский. Труды, т. ІІ, вып. 1, стр. 194.
³ "Zeitschrift für Kirchengeschichte", v. 12, Gotha, 1891, S. 533—534.
⁴ "The Gots in the Crimea", 1936, p. 98.

⁵ П. Бурачков. О записке готского топарха. ЖМНП, ч. СХСП, 1877, стр. 200—252. 6 Bromberg. Toponymical and Historical Miscellanies "Byzantion", t. XIII,

^{1936,} р. 57. ⁷ Записки Одесского об-ва истории и древностей, 33, Одесса, 1919, стр. 18.

значению Родосто, Каффе и Анхиалу. По мнению Васильевского. средневековые итальянские карты (карты Висконти 1318 г., Пиццигани 1367 г., карта Пассквалини 1408 г.), помещавшие Маврокастрон у устья Днестра, не оставляют никакого сомнения, что Маврокастронэто нынешний Аккерман. Васильевский полагал, что название Моррохάστρον, означающее на греческом языке "Черный город", не могло быть дано никем, кроме греков, и, следовательно, существовало гораздо раньше XIV в. Он конечно, знал, что Константин Порфирородный помещает в низовьях Днестра разрушенный Белый город (Астрохазтроу), знал также, что и в русских источниках, в так называемом "списке градом русским", "на устье Днестра над морем также стоит Белгород, переименованный румынами в Četátea alba и татарами в Аккерман, т. е. опять-таки "Белый город". Выход из затруднения Васильевский находит в том, что "на этой территории могли существовать два города: Белый и Черный". Против Васильевского, поддержанного Томашеком, выступили Бурачков и Вестберг. Как указывал Бурачков, Васильевский, основывая свое утверждение на итальянских картах XIV—XV вв., упускал из виду, что они не подходят к событиям, происходившим, по его же мнению, во времена Святослава. Ни один писатель Х в. не упоминает о Черной крепости в Днестровских лиманах. Наоборот, и Константин Порфирородный и русские летописи называют днестровский город Белгородом. Этот Белый город русские летописи отличают от Черни, т. е. от Черного города. Вестберг подчеркивал, что Васильевский не доказал: 1) что названия итальянских карт Mancastro, Maurocastro, Mascastro являются искажением Маврокастро, 2) что город Чернь русских летописей лежал на Днестре подле Белгорода и 3) самое главное, что Маврокастрон уже существовал в Х в.4

Однако последнее — главное — возражение против Васильевского теперь должно быть отвергнуто, так как найдены источники, показывающие, что Маврокастрон был, несомненно, известен византийцам еще в XI в. и тогда там даже была учреждена церковная митрополия. Очень интересный факт основания такой митрополии, хотя и просуществовавшей, повидимому, недолго, дает рукопись Парижской Национальной библиотеки cod. Coisl. N. 211, fol. 261—262, опубликованная в 1909 г. В ней перечислены те же 80 кафедр византийской церкви, которые давно известны из Notitia episcopatuum Алексея Комнина, но в отличие от последней в cod. Coisl. 211 одна кафедра опущена, а другая прибавлена. Хонигман, обративший внимание на этот любопытный документ, устанавливает, что опущенная в этом списке Наксия, или Паронаксия, была преобразована в митрополию в 1083 г. Таким образом, наш список был составлен раньше этого года и раньше известной Notitia Алексея Комнина. 6 Но гораздо интереснее прибавление. Между Апамеей и Коркирой список cod. Coisl. 211 приводит следующие названия:

Βασιλαίον, Τρίστρας,

¹ В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 1, стр. 192. ² Там же, стр. 193.

³ П. Бурачков. О записке готского топарха. ЖМНП, ч. СХСП, 1877, стр. 200—252. 4 "Византийский Временник", т. XV, 1, 1908, стр. 100. 5 "Revue de l'Orient Chrétien", XIV, 1909, p. 212. 6 E. Honigmann. Studies in Slavie Church History. "Byzantion", XVII, 1944—1945, p. 158.

Μαυροκάστρου ήτοι Νέας 'Ρωσίας, Ναζιανζού.

Известно, что митрополии помещаются в списках обычно в хронологической последовательности установления кафедр. Так, Βασίλαιον был обращен в митрополию в царствование Константина X Дуки (1059—1067), а Роман Диоген (1069—1071) дал права митрополии Назианзу. Таким образом, митрополии Дристры и Маврокастрона были учреждены между 1059—1071 гг. Τρίστρας — это, несомненно, Доростол. Мы знаем из других источников, что возведение в митрополию Дристры (Доростола) произошло при патриархе Константине III Лихуде (1059—1063) и что этот патриарх весьма заботился об укреплении церковной организации в придунайских областях. Следовательно, время учреждения митрополии Маврокастрон может быть определено между 1059—1071 гг.

Мы не можем обойти молчанием тот факт, что новая митрополия, подчиненная юрисдикции константинопольского патриархата, называется митрополией "Маврокастрона, или новой России". Это показывает, что во второй половине XI в. здесь существовали русские поселения, составлявшие одно целое с городом, а первое - греческое имя говорит о том, что он был основан византийцами. Маврокастрон, или Νέα Ύωσία, не может отождествляться с Ύωσία, з упомянутой рядом с Таматархой в договоре, заключенном в 1169 г. между Мануилом Комнином и генуэзцами и подтвержденном в 1192 г. Исааком Ангелом. Эта 'Ρωσία, называемая на итальянских средневековых картах "устье русской реки" Эдризи и casale di Rossi, находилась в районе Азовского моря, и Мануил не желал предоставлять генуэзцам главный торг рыбой, который шел из Азовского моря. Таким образом. можно считать установленным, что под именем Маврокастрона существовал в средние века только один город, имевший серьезное экономическое значение, и что этот город находился в устье Днестра. Хонигман считает нужным уточнить взгляды Васильевского в том отношении, что Маврокастрон — все же не Аккерман. По его мнению, лучшие карты средних веков показывают, что Маврокастрон был расположен на левой, или северной, стороне Днестра, в то время как на правой стороне находился 'Ασπροκάστρον или "Белая крепость", занимавшая территорию современного Аккермана. Такое близкое соседство Белого и Черного городов — явление не единичное. Так, в непосредственной близости от столицы Сербии Белграда находится Землин, т. е. город, сооруженный из черной земли. Следует, однако, отметить, что по сообщению Е. Ч. Скржинской, генуэзцы в XV в. называли жителей Monkactpo albicastrenses sive macastrenses. Во всяком случае нельзя сомневаться, что Маврокастрон, упоминаемый в "Записке греческого топарха", находился недалеко от устья Днестра. Возникновение здесь византийского Черного города нужно, очевидно, поставить в связь

 $^{^1}$ Gelzer. "Byzant. Zeitschrift", II, 67; Regesten, II, p. 16, N° 96; Skylitzes, ed. Bonn, p. 703.

 ² Migne. Patr. gr., v. CXXII, p. 436.
 3 Vernadsky. Political and Diplomatic History of Russia, Berlin, 1936;
 E. Honigmann. Studies in Slavic Church History. "Byzantion", XVII, 1944—1945,
 p. 155.

⁴ Miklosich et Müller. Acta et diplomata gr. medii aevi, III, 36; Zachariae von Lingenthal. Jus. Gr.-Rom., III, 496.
⁵ E. Honigmann. Studies in Slavic Church History. "Byzantion", XVII, 1944—1945, p. 158.

с общим усилением Византии во второй половине X и начале XI в., которое сказалось и в северном Причерноморье. Конкретное проявление этого факта — успешная экспедиция Варды Монга и Владимира Сфенга против хазар в 1116 г.1

Мы не можем здесь останавливаться на дальнейшей истории Маврокастрона, сделавшегося важным генуэзским портом в XIV—XV вв.2 К сожалению, мы знаем очень мало об истории северного Причерноморья в конце XI в. Но весьма важно отметить существование в это время в устьях Днестра оседлого русского населения, которое, очевидно, было связано с русскими поселениями в верховьях этой реки, где позже сложилось Галицкое княжество. Если реки того времени были центрами оседлости и здесь сосредоточивалась хозяйственная и торговая деятельность населения, то это имело отношение не только к Δ непру, но и к Δ нестру, где селились тиверцы.

Таким образом, мы можем притти к важному выводу, что византийский топарх со своими спутниками двигался от Днепра не в Крым, а на запад. А этот факт имеет немаловажное значение для определения места, где развертываются дальнейшие события, описываемые в "Записке".

Задержавшись из-за непогоды в Борионе, автор сделал астрономическое наблюдение, на которое первым обратил внимание Васильевский. В тексте мы читаем: планета Сатурн находилась как раз в начале созвездия Водолея, а Солнце в то время было в зимних знаках зоднака ("καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς διιών (Κρόνος) Υδροχόου, ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινά διατρέχοντος"). Зная, что Сатурн совершает свое обращение между созвездиями, через которые он проходит, в 29 лет 166 дней, можно вычислить период, когда Сатурн находился в X в. в созвездии Водолея. Васильевский без всякой помощи астрономов, как он заявлял, вычислил 964—967 и 993—996 гг. и признал первую из этих дат подходящей для своего исторического объяснения памятника.

Вестберг широко использовал астрономию. Хотя Вестберг признает, что астрономические данные "Записки" не вполне ясны и потому раскрытие их смысла представляет некоторые затруднения, тем не менее он пришел к выводу, что "на всем протяжении времени от середины января 904 г. до середины декабря 1021 г. Сатурн имел указанное в первом фрагменте положение среди звезд только один раз, а именно — в начале января 963 г."4

Этот вывод безоговорочно приняли Шестаков и Васильев. Против него возражали Ф. И. Успенский, Кулаковский, Хонигман и Шангин. Ф. И. Успенский указывал, что астрономы, помогавшие Вестбергу в его выводах (например Кононович), вносили в них весьма существенные оговорки. Они считали необходимым предположить, что греческий путешественник обладал столь точным знанием неба, каким располагают лишь весьма немногие современные астрономы, особенно если учесть, что сравнительно слабые звезды Водолея и Козерога трудно различимы.6

¹ Banescu. La domination byzantine à Matracha (Tmoutaracan), en Zichie, en Khasarie et en Russie à l'époque des Comnènes, "Bulletin de la section histor. de l'Académie Roumaine", XXII, 2.

² Bratianu. Recherches sur Vicina et Čètatea alba. Breslawl, 1935.

³ Corpus Script. Hist. Byz., v. XI, p. 497.

⁴ "Византийский Временник", XV, 2. "Записка готского топарха", стр. 271.

⁵ A. Vasiliev. The Gots in the Crimea, p. 120.

⁶ "Записки Акад. Наук", т. VI, № 7, 1904.

Как отмечал Ф. И. Успенский, результаты изучения Вестбергом астрономических наблюдений составителя отрывков не могли иметь решающее значение потому, что наблюдавшаяся им констелляция звезд повторяется через каждые 29 лет 166 дней. Через этот промежуток времени Сатурн вновь может быть наблюдаем почти в одинаковом отношении к Водолею. Таким образом, в Х в., к которому относятся сделанные для Вестберга вычисления, прохождение Сатурна через созвездие Водолея имело место в 903—904, 931—934, 961—963, 990-993 гг. Вестберг, относя события, описываемые в отрывках, ко времени Святослава, естественно, предпочитает фазу прохождения Сатурна через созвездие Водолея в период 961-963 гг. и старается подкрепить себя ссылкой на Куника, Гедеонова, Васильевского. Но ссылка на авторитеты - еще не достаточное основание, если ищется точка опоры в самом памятнике.

Кулаковский указывал, что астрономическая дата Вестберга не согласуется с установленной Газе хронологией, которая должна оставаться в силе, пока не удастся открыть рукопись. Но Газе, как известно, главный текст относил к концу Х в., а относительно отрывков, написанных на пустых страницах, заметил, что их почерк — более поздний. Если мы вместе с Вестбергом примем за дату написания 963 г., то не выйдет ли, что отрывки, которые представляют автограф, написаны раньше, чем кодекс, в который они попали на оставшиеся незаполненными страницы. Если, писал Кулаковский, астрономия оказала помощь, то эта помощь скорее отрицательного свойства, так как полученная Вестбергом дата противоречит палеографическим сведениям относительно текста и в высшей степени затрудняет историческое понимание событий, о которых идет речь в "Записке", даваемое самим Вестбергом. Ведь в 963 г. Святослав еще не имел никакого отношения к Крыму, на хазар и передний Кавказ он еще не ходил. Сам же Вестберг думает, что утверждение русских в Тамани и Крыму произошло после походов и побед Святослава. Что могло побудить топарха искать в 962 г. помощи в Киеве? Понять исторический смысл отрывков при этой дате становится еще труднее.

По мнению М. А. Шангина, внимательно изучавшего астрологические и астрономические трактаты византийцев, Вестберг без достаточных оснований полагает, что византийцы Х в., в том числе и автор "Записки", исходили из точных наблюдений нашего времени. Ссылаясь на фундаментальное издание Catal. codd. astrol. graec., Шангин доказывает, что, по представлениям византийцев, Сатурн совершал свой путь и возвращался к исходному знаку зодиака не в 29 лет 166 дней, как установила новейшая астрономия, а в 30 лет. 2 Для Х в. Шангин вычисляет следующие данные византийского астрономического календаря: 910, 940, 970, 1000 гг., и приурочивает наблюдение топарха к зиме 970/71 г. Зачеркнутое автором "Записки" выражение "как мне по звездам показалось", по мнению Шангина, вовсе не означает непосредственного наблюдения; это просто ссылка на византийский астро-

номический календарь.3

Из изложенного вытекает, что вывод Вестберга не имеет решающего значения, и установить точную дату наблюдений топарха весьма

Ю. Кулаковский. ЖМНП, ч. СССХL, 1902, стр. 449—459.
 Catal. codd. astrol. graec. VIII, 4, р. 224.
 М. А. Шангин. Византийские источники о войне Святослава с греками. Архив ЛОИИ, стр. 114-116.

трудно, так как: 1) астрономические данные "Записки" не вполне ясны; 2) сочетание звезд, которое наблюдал топарх, повторяется несколько раз каждое столетие; 3) как показал М. А. Шангин, астрономические знания византийцев X в. могли резко расходиться с точными астрономическими наблюдениями нашего времени.

В заключительной части первого фрагмента описывается возвращение наших путников в Маврокастрон по глубокому снегу, в мороз и вьюгу. Падали вьючные животные, проводники сбивались с пути, а самое главное - топарх и его спутники, выйдя из Бориона, шли по непроторенной дороге, и гибель грозила им как от суровой зимы, так и от неприятелей. Караван, находившийся на пути в свою страну, лежавшую во всяком случае южнее порогов, должен был проходить через Черноморскую степь. Если путешествие топарха относится к концу X—началу XI в., то неприятели, угрожавшие топарху, по всей вероятности, были печенеги. Из восьми печенежских орд, перечисленных Константином Порфирородным в 37 главе "De administrando імрегіо", четыре кочевали по правую сторону Днепра, четыре — по левую. Византийское правительство в X в. всячески стремилось поддерживать дружеские отношения с печенегами, особенно с теми ордами, которые были соседями Херсонеса. Эти племена занимались торговлей с жителями Херсонеса и выполняли поручения императора на Руси, в Хазарии, Зихии, получая от херсонесцев установленное вознаграждение в виде шелковых тканей, перевязей, муслина, бархата, перца. Но так как печенеги распадались на многие орды и каждое племя имело своего вождя, то некоторые из них могли быть враждебны византийцам, особенно если, как в данном случае, отряд византийцев двигался не в Крым, а к Днестру.

Так как отрывки написаны одной рукой, то содержание их представляет известную связь между собой. Третий отрывок представляет непосредственное продолжение второго.

В первом фрагменте, как мы видели, описывается возвращение топарха и его спутников вниз по Днепру и от Днепра к Мавро-кастрону.

Три фрагмента напечатаны Газе в том порядке, в котором они обнаружены в рукописи. Однако большинство исследователей считает, что хронологически второй отрывок должен быть первым, за ним следует третий и, наконец, первый, и что упоминаемая в третьем фрагменте поездка тождественна с путешествием первого фрагмента.

Во втором фрагменте мы уже застаем топарха в его области. В третьем отрывке автор говорит об обстоятельствах, побудивших его поехать к задунайскому правителю, отдавшему ему снова власть над Климатами. Между первым и вторым фрагментами заметен пропуск: недостает описания прибытия топарха в свою область; нехватает изложения событий, происходивших в области топарха по его возвращении. Сколько времени прошло от событий первого фрагмента до событий второго и третьего, — нам неизвестно.

Переходя к рассмотрению второго и третьего отрывков, попытаемся прежде всего кратко изложить их содержание. Во втором отрывке рассказ ведется в первом лице, иногда в множественном, иногда в единственном числе. А. Васильев почему-то предполагает, что рассказ ведется от имени крымских готов, хотя ни во втором, ни в третьем фрагменте о них нет никакого упоминания, а второй фрагмент начинается словами, потом зачеркнутыми: "именно ради этого и северные берега Дуная" ("хай διά τοῦτο γάρ καй τὰ βόρεια τοῦ "Ιστρου"). Можно

согласиться с В. Г. Васильевским, что слова эти, хотя и зачеркнуты, важны для объяснения отрывков, так как они указывают на место, где совершаются события, непосредственно за ними описываемые. Далее описываются враждебные столкновения топарха с варварами, которые грабили и опустошали все, подобно диким зверям, причем, по словам автора, "им не была доступна пощада даже в отношении к самым близким" ("οὐδὲ γὰρ τῶν οἰκειοτάτων φειδώ τις εἰσηει αὐτοῖς"). Еще Куник заметил, что обхеботатог в греческом языке означают соплеменников, сородичей, и на этом основании допускал, что и нападающие и страдавшие от них жители страны могли быть единоплеменниками.1

Далее автор делает важное замечание: "И не руководились они каким-нибудь расчетом или судом законности, а старались злостно и бесцельно сделать добычей мисян (нашу) свою землю".2 Здесь характерно, что земля, опустошаемая варварами и населенная их единоплеменниками, первоначально была названа "нашей" (т. е. византийской) страной, а затем автор признал ее принадлежащей самим варварам, как будто речь идет о такой стране, на которую права владения спорны. Дальше автор характеризует варваров следующим образом: "Извратилась прежняя их мягкость и справедливость. Уважая их раньше больше всего, они воздвигли себе величайшие трофеи, так как города и народы добровольно к ним примыкали. Теперь же как будто, наоборот, у них проявилась несправедливость и произвол относительно подчиненных. И они решили подвластные города поработить и уничтожить вместо того, чтобы охранять и хорошо управлять ими. Жалуясь на начальников и ясно доказывая, что они ни в чем не виновны, эти люди (т. е. подданные), тем не менее не могли избежать смерти".3 Автор намекает здесь, что подданные в чем-то провинились, а правители их в чем-то обвиняли и подозревали, а дальше автор говорит, что "люди, ни в чем не повинные, под предлогом нарушения клятвы, становились добычей меча".

Речь идет о событиях крупного масштаба. Автор не щадит красок для описания ужасов происходящего. Он пишет: "Ведь, как казалось, так поднялась волна зла, что затопила все человеческое, и можно было подумать, что обрушилась она таким ужасом, как бы от землетрясения или из какой бездны невероятной и свирепой". В области, соприкасавшейся с владением топарха, более 10 городов и 500 деревень полностью были опустошены. Наконец, злая судьба, губившая города несчастных соседей топарха, обрушилась и на его владения. Автор должен был ограничиваться оборонительными мероприятиями и отступить перед варварами. Энергичными и мудрыми мерами, сам подвергаясь серьезным испытаниям, он устранил опасность. Однако в дальнейшем враждебные действия между топархом и его врагами внезапно возобновились. Враги не вступали в переговоры с топархом, хотя он много раз предлагал им соглашение. Поздней осенью варвары с большим количеством пеших и конных воинов напали на область топарха, рассчитывая легко овладеть ею, так как она ранее была уже опустошена и стены города были срыты до основания. Люди топарха делали вылазки из разрушенного города, который был немногим лучше селения. "Тогда, — говорит топарх, — я первый пришел к мысли засе-

¹ А. Куник. О записке готского топарха, стр. 116. Нельзя согласиться с переводом οιχειότατος у Васильевского словом "союзник".
² Corpus Scrip. Hist. Byz., v. XI, p. 501.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

лить Климаты" ("και τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρότου πάλιν οἰκῆσαι τά Κλίματα διανοησαμένου").¹ Очевидно, раньше ни сам топарх, ни его предшественники не имели там своего местопребывания. Прежде всего топарх соорудил башню.

Третий фрагмент начинается с рассказа о спешном возведении крепости, в которой было спрятано наиболее ценное имущество. Город уже заселялся. В это время началась война. Столкновение было неудачно для варваров, и они, понеся большие потери, ночью отступили. Когда утром топарх повел против врагов свой отряд, состоявший из 100 всадников и 300 пращников и лучников, то они уже не могли найти врага. Используя передышку, топарх торопился восстановить стены города, готовился к военным действиям и отправил гонцов. к своим сторонникам ("πρός τους ήμιν προσέχοντας"), чтобы обсудить положение. Хотя "соседственные и близкие области" ("τὰ γείτονα καὶ πλησιόχωρα ήμιν") находились уже в руках варваров, но, очевидно, вблизи Климатов были и незавоеванные местности и их правитель могли считаться сторонниками византийского топарха. Повидимому, их было не очень много, если они могли быть быстро созваны посредством гонцов. По зову топарха собрались представители местной знати ("'εκκλησίας 'εκ των ἀρίστων γενομένης"). Ближайщим предметом совещания было общее положение края. На совещании в первую очередь обсуждался вопрос о политическом подданстве, о том, кого избрать господином. Нет сомнения, что дело происходило на окраине, где всегда были возможны колебания политических влияний. Этим объясняется и то, что наш автор принял на себя решения, далеко выходящие за пределы компетенции командира небольшой воинской части. В своей речи топарх призывал собравшуюся знать придерживаться византийского подданства, что без достаточных оснований отрицает Вестберг. 2 Самая конструкция фразы, излагающей решение собравшихся и начинающейся выражением οί дє, показывает, что в речи автора отрывков освещался тот же предмет, который выдвигался в ответе собравшихся. Об ответе собравшихся на речь топарха он пишет следующее: "Они же или потому, что будто бы никогда не пользовались императорскими милостями и не заботились, чтобы освоиться с более цивилизованной жизнью, а прежде всего стремились к независимости, или потому, что они были соседями царствующего к северу от Дуная ("πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ "Ιστρου βασιλεύοντα"), который могуч большим войском и гордится силой в боях, или потому, наконец, что не отличались по обычаям от тамошних (жителей) в своем собственном быту (так или иначе), но они решили заключить с ним договор и передаться ему и сообща решили, что и я должен сделать το же camoe" ("οί δὲ μηδέ ποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες, μηδ' ελληνικοτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι, αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιούμενοι, εἴτε ομοροι όντες πρός τον κατά τὰ βόρεια τοῦ "Ιστρου βασιλεύοντα, μετὰ τοῦ στρατοῦ ἰσχύειν πολλῷ καὶ δυνάμει ἐπαίρεσθαι, ἤθεσί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν ούν ἀποδιαφέροντες ἐκείνω καὶ σπείσασθαι καὶ παραδώσειν σφάς ζυνέθεντο καὶ 'εμὲ τὰ τοιαῦτα πράξειν κοινή πάντες ἐπεψηφίσαντο").3

Не видя другого выхода, топарх отправился к "царствующему на севере от \mathcal{L} уная" и коротко изложил ему причину прихода. Тот

¹ Corpus Scrip. Hist. Byz., v. XI, p. 502.

² Ф. Вестберг. Записка готского топарха. "Византийский Временник", т. XV, вып. 2, стр. 78.
³ Corpus Script. Hist. Byz., v. XI, p. 503.

благосклонно принял топарха, утвердил его в должности правителя Климатов, добавил ему еще одну сатрапию и, сверх того, подарил в своей земле достаточные ежегодные доходы. Очевидно, от воли задунайского государя зависело восстановить топарха правителем в прежних его владениях, причем он не только оставил за топархом власть над небольшим городом Климатами, но и возвратил ему всю прежнюю его область, из которой он вынужден был удалиться под напором варваров.

Таково содержание второго и третьего отрывков.

В. Г. Васильевский переводит: "они решили заключить с ним мир" (примириться), но сам же несколько дальше соглашается, что σπείσασθαι может означать "заключить договор" (без предварительной войны). Первое толкование Васильевского вызывается предвзятым мнением, будто варвары, напавшие на Климаты, тождественны с русскими.

Мы видим, что жители области топарха и его соседи принадлежат к оседлым народам, ибо "Записка" сообщает о многих городах и селениях, расположенных вблизи Климат. Эту территорию следует искать в северном Причерноморье, так как в первом отрывке мы видим топарха на Днепре. В конце X и начале XI в. землями, в которых могли находиться византийские военачальники и гарнизоны, могли быть только фема Херсонес на южном берегу Крыма и Придунайская область. Нам уже известно, что большинство исследователей относит события, описываемые во втором и третьем фрагментах, к Крыму и, в частности, к так называемым Готским Климатам. Главным и, пожалуй, единственным аргументом этих исследователей является указание топарха, что он заселил Климаты. По Вестбергу, τὰ Κλίματα в качестве имени собственного встречается у Константина Порфирородного в его сочинении "De administrando imperio" только по отношению к области, расположенной на Таврическом полуострове. "Уже одно это обстоятельство, - говорит Вестберг, - заставляет нас по необходимости связывать τὰ Κλίματα фрагментов с Климатами Константина Порфирородного. Эти Климаты составляли часть южного поморья Таврического полуострова, и они совпадали с Готией, занимающей пространство от Балаклавы до Сугдеи". В. Г. Васильевский согласен, что выражение "Климаты" особенно часто употребляется для обозначения южных крымских областей и как будто именно по отношению к ним превратилось из нарицательного в собственное, но он в то же время показывает, что термин κλίμα употребляется в византийских источниках в самых различных значениях, обозначая "склон", "покатость", "страны света", "провинции" и "области", как большие, так и малые, например "Фрахода κλίματα" Льва Диакона (р. 104, 11), "κλίμα Μεστικόν" во Фракии, девять климатов хазарских у Константина Порфирородного ("τά 'εννεά arkappaλίματα Χαζαρίας"), 2 может обозначить определенную административную единицу, гораздо меньшую, чем фема (Lydus. De magistratibus, III, 68). В то же время Васильевский показал, что в наших фрагментах слово "Климаты" употреблено совсем не в том смысле и значении, в каком оно прилагается к крымским областям и в каком вообще употребляется в других местах и у других писателей. Васильевский совершенно прав, когда указывает, что в наших отрывках "Климаты" есть название единичного отдельного городка, причем очень небольшого, который

Ф. Вестберг. Записка готского топарха. "Византийский Временник", т. XV, вып. 2, стр. 117—118.
 De administrando imperio, cap. 10.

был разрушен и запустел, а потом стараниями нашего топарха отчасти был восстановлен и снова начал заселяться. Поэтому невероятно предположение Вестберга, чтобы такая область, как Климаты византийской Таврики, могла быть обязана своим именем этой ничтожной крепости.² Так же мало вероятна догадка Вестберга, что Климаты "скрываются под другим каким-нибудь наименованием, ибо тамошние города нередко меняли свои названия вследствие наплыва все новых пришельцев". 3 Мы уже имели случай отмечать, что нам известны названия большинства хастра Крымской Готии, и мы знаем, что эти названия сохранялись в течение всего византийского времени. Соглашаясь в этом отношении с Васильевским, мы можем теперь поставить более общий вопрос, могут ли вообще события, о которых рассказывается во втором и третьем отрывках, быть относимы к Крымской Готии конца X—начала XI в., могли ли вообще готы в Крыму в это время играть такую активную и самостоятельную роль, какую им приписывают Куник, Вестберг, А. Васильев и другие буржуазные ученые. Для решения этого вопроса мы должны коснуться истории средневекового Крыма. Из труда Прокопия Кесарийского "О постройках Юстиниана" известно, что при этом императоре власть Византии в Крыму окрепла, хотя большая часть Крыма была занята гуннами. Был возвращен под власть империи важный город Босфор (Керчь). Босфор и Херсонес были укреплены; построены сторожевые укрепления Алустий и Гурзувиты. А дальше Прокопий пишет: "Есть там одна страна на морском побережье, называемая Дори ("χώρα κατά την παραλίαν Δόρυ ὄνομα"). В ней издавна живут готы, которые не были увлечены Теодорихом в Италию, а добровольно остались здесь и еще при мне продолжают быть союзниками римлян; вместе с ними ходят против их врагов, когда этого пожелает император. Число их простирается до трех тысяч. Они прекрасные воины, а также деятельные искусные земледельцы и отличаются наибольшим гостеприимством среди всех людей. Самая область Дори лежит высоко. Однако она не слишком дика и сурова, напротив, богата и приятна прекрасными плодами. В этой стране император нигде не строил ни города, ни крепости, потому что тамошние жители не терпят, чтобы их запирали в стенах, но всего более любят жить в полях. Только в тех пунктах, которые казались легко доступными для неприятелей, он заградил входы длинными стенами и освободил готов от всяких опасностей". 4 Географическое положение страны Дори, населенной готами, здесь обозначается довольно определенно. Благодаря большому количеству указаний, встречающихся в позднейших источниках, исследованиями Васильевского и Васильева вполне разъяснено, что страна, именовавшаяся потом Готией, готскими Климатами, а также Дори, простиралась по южному берегу Крыма от Балаклавы до Сурожа или Судака, а внутри полуострова ограничивалась Чатыр-Дагом и другими горами, окаймляющими южные берега полуострова.

Из других источников мы знаем, что эти готы уже в конце IV в. приняли христианство, имели своего епископа и поддерживали связи с Константинополем. Эта горсть готов, заброшенная на южные берега

¹ В. Г. Васильевский. Записка греческого топарха. "Труды", т. II, вып. 1,

стр. 256. ² Ф. Вестберг. Записка греческого топарха. "Византийский Временник", т. XV, вып. 2, стр. 256. ³ Там же.

⁴ De aedificiis III, 7, p. 261.

Крыма, в течение многих веков тесно связанная в экономическом, политическом и церковном отношении с Византией, естественно, постепенно растворялась в населении империи и эллинизировалась, хотя и возможны были случаи сохранения готского языка до XI — XII вв. В VII в. ослабело и влияние Византии в Крыму. По крайней мере папа Мартин, сосланный в Херсонес, описывает свое положение очень мрачными красками. В VII в. хазары переправились через Керченский пролив, заняли Босфор и большую часть территории полуострова. В начале VIII в. Δ орос (Δ ори) уже был недоступен византийским властям, и хазары около 787 г. им овладели. Но так как хазарам и Византии приходилось бороться против общего страшного врага — арабов, то отношения между Византией и хазарами в VIII и IX вв. были почти всегда дружественными. Христианское население подвластных хазарам городов пользовалось самоуправлением, поддерживало экономические, торговые и церковные связи с империей. Из жития Иоанна Готского видно, что из Византии в крымские города попрежнему присылались епископы. Епископы и монахи Готии присутствовали на византийских церковных соборах. В эпоху иконоборчества множество гонимых правительством монахов искало убежища в южной Италии и в Крыму и основало здесь много монастырей, почему Феодор Студит называл в своих письмах Готию "святой". В IX в. дружественные отношения между Византией и Хазарией продолжали сохраняться. Из того факта, что, с одной стороны, византийским спафарокандидатом Петроной Каматиром около 833 г. была построена для хазар крепость Саркел, а с другой — Херсонес и окружающие его местности были обращены тем же Петроной в фему, вытекает, что какая-то общая опасность угрожала в это время и хазарскому государству и области Херсонеса. Очень возможно, что первый стратиг Херсонеса Петрона Каматир по соглашению с хазарами и принял на себя функции защиты Готии и Климатов. По крайней мере в списке должностей, составленном при Михаиле III и его матери Феодоре, он официально называется "патрикием и стратигом Климатов".2

С конца IX в. в степях южной Руси поселились печенеги. Постепенно распространяясь, они проникли в Крым, так что несколько десятилетий спустя (около 950 г.) Константин Порфирородный писал: "Печенегия простирается вдоль всей Руси и Боспора до Херсона, Серета, Прута и 30 регионов". Отсюда видно, что печенеги уже заняли значительную часть Крыма и могли угрожать Херсонесу и Климатам. Это подтверждается другим местом того же труда, где Константин замечает: "Народ печенегов граничит с областью Херсона, и если мы не будем находиться в дружественных отношениях с ним, он может итти на самый Херсон, грабить и опустошать Херсон и так называемые Климаты".4 Растущее могущество печенегов означало упадок хазарского преобладания в Крыму. Отступая на восток, хазары должны были очищать территорию, занимаемую ими в Крыму. В начале Х в. период хазарского преобладания в Крыму уже пришел к концу. Этому упадку могла способствовать византийская политика. Византия, пока это ей было выгодно, поддерживала дружественные отношения с хазарами, но быстро учла изменившееся соотношение сил

¹ A. Bury. A History of the Eastern Roman Empire, p. 417.

² Ф. И. Успенский. Византийская табель о рангах. "Известия русск. археол. ин-та в Константинополе", т. III, 1898, стр. 115.

3 De administrando imperio, cap. CXLII, p. 17; XXXVII, p. 166.

⁴ Tam me, cap. I, p. 68.

в северном Причерноморье и оценила растущее значение печенегов, мирные отношения с которыми сделались краеугольным камнем византийской внешней политики. Эта перемена затронула также и Крымскую Готию. Когда хазарское преобладание в Крыму ослабело, Климаты и крымские готы освободились от хазарской власти и снова вернулись под власть Византии. К середине X в. восстановление византийской власти над Готией и Климатами было уже давно закончено.

Большинство исследователей согласно в том, что восстановление византийской власти в Климатах произошло значительно ранее написания "De administrando imperio", а именно не позже конца IX в.¹ Руссы в первой половине X в., несомненно, угрожали византий-

ским владениям, и договор Византии с Русью 945 г. берет с Игоря обязательство положить конец этой агрессии.² Константин Порфирородный не пользуется названием "Готия", но называет эту местность Климатами, как местность, которая уже давно находилась под властью Византии. Правда, этому утверждению можно противопоставить известное письмо хазарского кагана Иосифа испанскому еврею Хаждаю ибн-Шафруту, в котором перечисляется ряд городов в Крыму, якобы принадлежащих хазарам, но многие исследователи отказываются признать это письмо целиком подлинным, так как имя Фирковича, открывшего полный текст письма, было неоднократно связано с фальсификацией исторических документов. Однако если даже признать это письмо подлинным, то здесь речь могла итти только сохраняющихся в 60-х годах Х в. притязаниях хазар, а не о действительном владении. Во второй половине Х в. под властью хазар в Крыму оставались, повидимому, только Босфор и Каффа. Эти последние остатки хазарских владений Х в. были ликвидированы совместным русско-византийским походом 1116 г. Что касается крымских готов, то даже Васильев признает, что к X в. в результате долгого периода экономического, политического и идеологического воздействия Византии немногочисленные готы в Крыму уже были эллинизированы. Поэтому если в третьем отрывке топарха мы читаем, что его сторонники никогда не пользовались императорскими милостями и не заботились, чтобы освоиться с более цивилизованной жизнью, а больше всего стремились к независимости, то и А. Васильев должен признать, что этот текст не может относиться к крымским готам, которые долго находились под византийским протекторатом и вполне усвоили византийские обычаи. Точно так же вопрос о независимости никогда не возниках среди крымских готов, которые в течение веков жили под властью Византии, потом хазар, а с X в. — снова под властью Византии.

О том, что готы в X в. не стремились к независимости, лучше всего свидетельствует то обстоятельство, что Константин Порфирородный в своих сочинениях даже не упоминает о готах, а говорит вообще о крымских Климатах. Он опасается возможного отпадения только со стороны жителей Херсонеса и заботливо перечисляет своему сыну и наследнику Роману наиболее эффективные мероприятия византийского правительства, которые должны быть предприняты после отпадения херсонесцев, чтобы привести их снова к покорности, но эти

¹ S. Runciman. Byzantin Civilisation. New York—London, 1933, p. 156; A. Vasiliev. The Gots in the Crimea.

2 ПСРА, т. I, 1926, стр. 50—51.

 ³ Гаркави. Еврейская библиотека, VIII, 1880, стр. 140. Ф. Вестберг.
 ЖМНП, 1908, март, стр. 35.
 ⁴ A. Vasiliev. The Gots in the Crimea.

репрессии опять-таки имеют в виду только торговое население Херсонеса. Что касается местности, в которой действовал топарх, то подвластные ему Климаты трудно отождествлять с крымскими Климатами уже по одному тому, что крымские Климаты в X в. были тесно связаны с Херсонесом в одно географическое и политическое целое. Поэтому действия какого-либо византийского должностного лица независимо от Херсонеса и его стратига были немыслимы. Еще Ф. И. Успенский выражал сомнение, чтобы византийский чиновник X в., будь это комендант крепости или командир отряда в южном Крыму и притом близ Херсонеса, не поискав опоры в этом крупном и хорошо укрепленном городе, шел передавать свой город и свой отряд "царствующему к северу от Дуная". 2 Подобное допущение он называл вопиющим анахронизмом. Для всякого внимательного читателя отрывков ясно, что территория, на которой происходят события, описываемые в отрывках топарха, не составляет исконной греческой области. Она византийская только потому, что в ней построена византийская крепость и находится византийский гарнизон, но она раньше не принадлежала византийцам. Отсюда постоянные колебания у автора: то он пишет "наша земля", то "их земля". Следовательно, необходимо предположить, что дело происходит не в Херсонесе и не на южном берегу Крыма. В Х в. положение Византии на южном берегу Крыма было твердым и обеспеченным. Такого колебания византийского авторитета в южном Крыму, какое описывается в "Записке", не могло быть. Из конца второго отрывка мы узнаем, что топарх все свои заботы устремляет на построение крепостцы или башни (φρούριον), так как видит в этом лучшее средство защиты местности от набегов варваров. Но следует припомнить, что подразумеваемая здесь под южным берегом Крыма местность близ Херсонеса никогда не находилась в Х в. в таком упадке, чтобы рассматриваться как опустошенная и не населенная и чтобы безопасность ее зависела от маленькой крепостцы или башни, наскоро выстроенной нашим топархом. Да и масштабы опустошений, разорение 10 городов и более 500 селений вблизи города топарха и земель его сторонников мало подходят к ограниченной территории византийской фемы Херсонеса, занимавшей вместе с Климатами только узкую береговую полосу от Балаклавы до Судака.

Далее в третьем отрывке мы читаем, что сторонники и соседи топарха были одновременно соседями "царствующего к северу от Дуная". Отсюда естественный вывод, что такое определение местности могло принадлежать только задунайскому жителю, и если сторонники топарха были соседями "царствующего к северу от Дуная", то, очевидно, они и жили где-нибудь в придунайских землях. Трудно предположить, чтобы образованный византиец, живущий на южном берегу Крыма, знакомый с астрономией и географией, побывавший сам в южно-русских степях на Днепре и Днестре, мог называть Святослава своим соседом и "царствующим к северу от Дуная". Бурачков пытается доказать, что у Константина Порфирородного хазары, турки и руссы обычно называются народами, "жившими на севере Дуная", но Бурачков не приводит таких мест, а в главе 13-й "De administrando

¹ De administrando imperio, cap. 53.

моря. "Киевская старина", т. XXV, апрель.

 ² Рецензия Ф. И. Успенского на книгу Вестберга. Комментарий на "Записку готского топарха". "Записки Акад. Наук", т. VI, № 7.
 ³ Ф. И. Успенский. Византийские владения на северном берегу Черного

imperio" хазары, турки, русь называются просто северными скифскими народами.1

В том же третьем отрывке мы читаем, что сторонники и соседи топарха не отличались нравами и обычаями от народа "царствующего к северу от Дуная". Это вполне понятно, если речь идет о славянахболгарах и живших по другую сторону Дуная восточнославянских племенах, подчиненных русскому князю. Но всякий добросовестный исследователь должен признать, что между населением южного побережья Крыма, в течение веков связанным с Византией, и восточнославянскими племенами X в. существовала весьма значительная разница в нравах и обычаях. Только сторонники норманской теории происхождения Руси, как, например, Куник, могли видеть здесь новое подтверждение этой теории. По Кунику, собрание сторонников топарха состояло из крымских готов, по своему "национальному" характеру бывших довольно близкими к норманнам, которые якобы окружали русского князя и по преимуществу составляли его военную силу. Но даже ученик Куника Вестберг не решается поддерживать это предположение своего учителя и считает его слишком смелым.2

Васильев пытается выйти из затруднения указанием, что под сторонниками вождя готов следует понимать русских, которые в ІХ—Х вв. постепенно населяли Крым и имели там свои владения. В Но Васильев упускает из виду, что если бы при Святославе в Крыму или на Тамани прочно укрепилось русское население и между населением Тавриды и Русью существовали такие тесные культурные и бытовые связи, какие предполагает В. В. Мавродин, то Святослав, возвращаясь водным путем в 972 г. после своей неудачи под Доростолом, не стал бы зимовать в Белобережье в устьях Днепра, испытывая жестокий голод.4 Если он вынужден был это сделать, то, очевидно, потому, что ни в Крыму, ни на Тамани еще не было крепких русских колоний, которые могли бы оказать Святославу помощь людьми и продовольствием.

Из изложенного можно сделать следующие выводы. Что касается местности, в которой действовал топарх во втором и третьем фрагментах, то подвластные ему Климаты невозможно отождествлять с крымскими Климатами. Крымские Климаты в Х в. были тесно связаны с Херсонесом. Поэтому действия какого-либо греческого топарха, независимо от Херсонеса и его стратига, были невозможны. О готах в "Записке", как мы видели, нет даже упоминания. Определение местности, в которой действовал топарх во втором и третьем отрывках, указанием, что она погранична с владениями "царствующего на север от Дуная", могло, очевидно, принадлежать только задунайскому жителю. Это доказывается и тем, что, возвращаясь домой, топарх двигался на Запад от Днепра. Поэтому область Климатов "Записки" должна определяться каким-то придунайским местом, притом таким, которое граничило бы с владениями "царствующего к северу от Дуная".

Если события, описываемые в "Записке", происходили в Придунайской области, то мы должны поставить вопрос, кого нужно понимать

¹ П. Бурачков. О записке готского топарха. ЖМНП, ч. СХСVIII, 1897,

стр. 200—252. ² Ф. Вестберг. Записка готского топарха. "Византийский Временник", т. XV, вып. 1, стр. 129.
3 A. Vasiliev. The Gots in the Crimea.

⁴ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 2-е учебное изд., Л., 1926, стр. 72. "И приде Святослав к порогом, и не бе льзе проити порог, и ста зимовати в Белобережьи и не бе у них брашна уже, и бе глад велик, яко по полугривне глава коняча, и зимова Святослав ту".

под врагами топарха, кто был "царствующий к северу от Дуная", взявший топарха под свое покровительство, и, наконец, определить время, когда происходили описываемые события. Большинство исследователей во врагах топарха видело хазар, но если место действия происходило в Придунайской области, то о хазарах здесь, разумеется, не может быть речи. Невозможно предположить, что этими врагами была какаялибо кочевая орда вроде печенегов, опустошавшая ту или иную область. По показанию топарха, эти враги были владетелями или начальниками обширной территории, страны, которая была целиком в их руках за исключением немногих пунктов, оставшихся под протекторатом Византии. Не похоже, чтобы эти враги были каким-то малоизвестным народцем. Зарактеристика, какую им дает топарх, — их мягкость и справедливость, их былое могущество, когда они одерживали блестящие победы и к ним легко присоединялись города и народы, не подходят ни к диким печенегам, ни к разбойничьему племени черных болгар.

В. Г. Васильевский видит во врагах топарха руссов, а "в царствующем к северу от Дуная" — великого князя Святослава. По его мнению, Святослав явился на Дунае первоначально как союзник Византии, что дало возможность Византии попытаться хоть частично восстановить свою власть на Дунае, тем более, что она располагала значительным флотом. Таким образом, представитель императорской власти мог Дунае с небольшой свитой и небольшим отрядом. явиться на Когда же византийское правительство вступило в союз с царем Петром и начало возбуждать болгар против русской власти, руссы с своими союзниками печенегами и венграми забыли прежнюю справедливость и начали без разбора истреблять своих подданных. Топарх сначала находился ближе к центру русских операций, т. е. к Доростолу и Переяславцу, а затем отступил в Климаты (место старой юстиниановской крепости (Κλεμάδες) в Паннонии около Гирсовы). Но местные жители, сначала державшиеся византийского топарха, скоро стали искать спасения в признании верховной власти русского князя Святослава и заставили топарха сделать то же.

В характеристике деятельности топарха на Дунае Васильевский колеблется: с одной стороны, он готов признать его лойяльным византийцем, до конца отстаивавшим интересы империи на Дунае и ведшим, как то и вытекает из "Записки", войну с руссами, а с другой — допускает, что он был спутником Калокира, вместе с Калокиром предавал Византию и потом испросил в Доростольском лагере 2 себе помилование у Цимисхия вместе с посланцами 80 городов, плативших дань Святославу. Но совершенно очевидно, что если бы он был спутником Калокира и вместе с Калокиром предавал Византию, то он, естественно, пользовался бы покровительством Святослава, и никакой войны против него русские, разумеется, не вели бы. Нам вообще трудно поверить, чтобы византийское правительство посылало свои гарнизоны в Дунайскую Болгарию в 968 г., после покорения этой страны руссами, так как Святослав не нуждался в этой помощи, а источники нам говорят, что если Византия поддерживала Святослава, то только золотом. Но если бы византийское правительство и забросило неблагоразумно гарнизоны на Дунай и если бы эти отрезанные от империи гарнизоны попытались

¹ А. Куник. О "Записке готского топарха", стр. 82. 2 В. Г. Васильевский. Записка греческого топарха. "Труды", т. II, вып. 1, стр. 211. 3 Там же, стр. 212.

в 969—970 гг. вступить в войну с руссами, венграми и печенегами Святослава, то они были бы, конечно, быстро уничтожены. Известно, как беспощадно расправлялся Святослав со своими врагами. Совершенно невероятно, чтобы враждебный Святославу византийский топарх получил от него такие богатые милости, о которых рассказывается в "Записке".

Область топарха должна определяться каким-то местом в придунайских странах, но трудно согласиться с мнением Васильевского, отождествлявшего Климаты топарха с юстиниановским укреплением Кλεμάδες вблизи Гирсовы, так как, во-первых, невозможно допустить, чтобы небольшое юстиниановское укрепление, построенное в VI в., сохранилось на Дунае до конца X в.; во-вторых, юстиниановские Кλεμάδες и в звуковом отношении не подходят к τὰ Κλίματα; в-третьих, из первого отрывка видно, что владение топарха нужно искать не в глубине Паннонии около Гирсовы, а ближе к Маврокастрону, где мы видим топарха с его отрядом. А самое главное—в тексте "Записки" нет ни малейшего намека на то, чтобы варвары — враги топарха — были тождественны с подданными русского князя. Напротив, все говорит за то, что это были два совершенно различных народа. В "Записке" мы читаем: "Варварам не была доступна никакая пощада даже в отношении к самым близким".

Какие же близкие соплеменники могли быть в Болгарии у руссов? Как мы уже устанавливали, из слов топарха достаточно определенно вытекает, что какие-то вожди опустошали свою собственную страну. Васильевский отождествляет "царствующего к северу от Дуная", которого избирают своим господином и покровителем собранные топархом его сторонники, с главой тех самых варваров, которые, по свидетельству топарха, самым бесчеловечным образом все опустошали. Из третьего отрывка мы узнаем, что из опасения, чтобы неприятель не появился снова с большим войском, топарх принимает разнообразные меры: обучает своих людей военному делу, укрепляет стены города, собирает знатнейших людей на совещание.

Во всех его действиях проглядывает твердое решение продолжать войну, а не желание заключить мир с варварами. Он раньше делал мирные предложения, но они оказались совершенно бесполезными. Поэтому и на собрании речь идет не о заключении мира с неумолимыми варварами, а о выборе сильного покровителя, который мог бы охранить от неприятельских покушений. Трудно предположить, чтобы сторонники топарха на этом собрании возымели намерение броситься в объятия тех самых варваров, которые не давали пощады даже своим единоплеменникам и которые только что потерпели поражение перед Климатами.

От этих непримиримых врагов сторонники топарха не могли получить ни мира, ни независимости. "Лучшие люди", явившиеся на эов топарха, были сторонниками топарха, а не варваров. Они объединились с топархом для общего дела, направленного именно против опасных варваров. Если бы варвары были русскими, как это предполагает Васильевский, и русские вели борьбу с топархом, то как объяснить столь лестный для топарха прием у русского великого князя, быстрое окончание дела и выгодные условия договора?

Поэтому содержание второго и третьего отрывков не дает нам возможности признать взгляды Васильевского, который видит во врагах топарха руссов, а в "царствующем к северу от Дуная"— великого князя Святослава. По тем же причинам мы не можем признать и

выводы М. А. Шангина, который в своей работе "Византийские источники о войнах Святослава" также относит "Записку топарха" ко времени войн Святослава в Болгарии, приурочивает содержание "Записки" к событиям 970 г. и пытается локализовать Климаты "Записки" во Фракийских Климатах, которые, по Константину Порфирородному, находились на р. Месте. 1

Константин действительно упоминает среди городов фемы Фракии рядом с Филиппополем, Фазосом и Самофракией "Клима Местик и Аконтиона". По мнению М. А. Шангина, с таким географическим определением местопребывания топарха согласуется то, что он был представителем современной ему греческой образованности, а также и то, что греки этого края находились в непосредственном общении с соседями-славянами, а отсюда признание у жителей этого края родства своих обычаев с сопредельным славянским населением. Греки, по мнению Шангина, сначала оставили свой город, потом возвратились в него и при наступлении зимы 969 г. отразили набег врагов. Описываемые в третьем отрывке события, утверждает М. А. Шангин, относятся к набегам 970 г. во Фракию русских и их союзников — печенегов и венгров. В этом же году топарх этих Фракийских Климатов отдался с своими соседями под власть Святослава. Таким образом, Шангин, так же как Васильевский, видит в врагах топарха русских, и мы уже указали почему этот взгляд неприемлем. Но против теории Шангина могут быть выдвинуты и дополнительные возражения. Прежде всего, мы не знаем, существовал ли действительно во Фракии в X в. такой город или административный округ, так как Константин заимствовал перечисление городов Фракии из источника VI в. — Синекдема Иерокла. Далее, невероятно, чтобы начальник города или небольшого административного округа, близкого к столице, действовал так независимо помимо византийского правительства и зачем-то очутился на Днепре и Днестре. Нам непонятно также, как Святослав мог раздавать города и владения в не принадлежавшей ему никогда византийской Фракии. Также невероятна гипотеза Милюкова, видевшего врага топарха в болгарах царя Симеона в конце IX в. Против Симеона Византия не могла сохранить своих собственных владений во Фракии и Македонии. Поэтому при Льве Мудром византийские гарнизоны не могли появляться на Дунае. Византийский автор не мог называть болгарского царя Симеона "царствующим к северу от Дуная", и, наконец, гипотеза Милюкова совершенно не согласуется с палеографическими наблюдениями Газе.

Итак, если события, о которых рассказывается в "Записке", происходят в Придунайской области, то время этих событий, очевидно, нужно искать тогда, когда Болгария была уже завоевана Византией. Содержание отрывков может быть объяснено только при условии приурочения их к греко-болгарской войне при Василии II. После победы над Святославом Цимисхий оставил в дунайских городах достаточные гарнизоны, в окрестностях Филиппополя расселил выведенных из Азии павликиан. Доростол был переименован в Теодоро поль. Как всякая вновь покоренная область, Дунайская Болгария получила военную администрацию, но воля болгарского народа к независимости не была еще сломлена, и понадобились еще десятки лет ожесточенной борьбы, чтобы привести Болгарию к покорности. Для истории греко-болгарской борьбы конца X и начала XI в. одним из важнейших пробелов навсегда

¹ De Thematibus, p. 47.

останется отсутствие собственно болгарских источников. Это обстоятельство усугубляется потерей современной хроники Феодора Севастийского. Поэтому мы должны черпать сведения об этой войне из компиляций XII в. Не удивительно, что важные события этой войны до настоящего времени остаются плохо освещенными. Но известно. что смерть Цимисхия и внутренние смуты в Византии в связи с гражданской войной, начатой Вардой Склиром, бедственно отразились на новых приобретениях Византии. Пользуясь удобным случаем, против византийских поработителей поднялись западные болгары, во главе которых стали четыре брата Комитопулы: Давид, Моисей, Аарон и Самуил, из которых на первый план выдвинулся последний.1

Скилица-Кедрин пишет: "В то время как ромейские силы были заняты борьбой против Склира, Самуил, улучив удобный случай, разорял весь Запад, не только Фракию, Македонию и окрестности Фессалоники, но и Фессалию, Элладу и самый Пелопоннес. Он взял много укрепленных городов, в числе которых главным был Ларисса. Жителей целыми родами он переселял во внутреннюю Болгарию и, зачислив в свои воинские списки, пользовался их содействием против

греков".

В то же время или немного позднее была потеряна Византией почти вся Дунайская Болгария, хотя не исключена возможность, что, имея флот и используя такую артерию, как Дунай, Византия могла сохранять отдельные пункты на Дунав. Но положение этих отрезанных от Византии гарнизонов становилось все более тяжелым. Они в значительной степени были предоставлены самим себе, что и заметно в действиях нашего топарха. Попытка молодого императора Василия II нанести удар восставшим болгарам у Софии (Средца) закончилась 17 августа 986 г. полной неудачей. За этим ударом Византию постигло новое тяжелое бедствие — восстание Варды Фоки (987—989). Положение на Балканах в это время картинно изображает византийский поэт Иоанн Геометр во втором стихотворении "На восстание". Упомянув о бедствиях на Востоке, он продолжает: "а то, что делается на Западе, какое слово нам это расскажет? Толпа скифов... как будто на своей родине рышет и кружит здесь по всем направлениям. Как землю, взрастившую благородные ветви, они с корнем вырывают крепкую породу железных мужей, и меч делит пополам поколение младенцев: одни остаются матери; других враг вырывает силой своих стрел. Прежде крепкие города — теперь легкий прах; табуны лошадей там, где жили люди. Видя это, как перестану— удержусь от слез? Так истребляются города и села". Очевидно, здесь описывается та же картина, которую мы видим в "Записке топарха". Врагами византийского топарха являлись Комитопулы и их сторонники, жестоко расправлявшиеся не только с византийскими гарнизонами, но и со сторонниками византийцев, которых, как отмечает болгарский историк Златарский, было немало среди кметей, духовенства, влахов. 4 Из слов автора достаточно ясно вытекает, что какие-то вожди опустошали свою собственную страну и не щадили своих единоплеменников.

¹ Cedreni, 434; Zonaras, 175.

² А. А. Анповский. История греко болгарской борьбы в X—XI вв. ЖМНП,

ч. CCLXXVIII, 1891, ноябрь, стр. 130. 3 В. Г. Васильевский. Русско-византийские отрывки. ЖМНП, 1876, март, стр. 176. 4 В. Н. Златарски. История на Българската държава..., т. I, ч. 2. София, 1927.

Восстание Комитопулов против Византии имело в то же время характер гражданской войны. Если на сторону Комитопулов перебегали отдельные византийские динаты, недовольные Василием, как Ватаци, Василий Глава, Никулица, то и Самуил должен был умертвить собственного брата Аарона, уличенного в предательских сношениях с Византией; зять Самуила предательски сдал Византии важную крепость Дураццо, а епископ Виддинский помог византийцам овладеть Виддином. Понятно, что смелые патриоты — поборники болгарской независимости, жестоко расправлялись не только с византийцами, но и их прислужниками и сторонниками. Поэтому-то автор "Записки" и отмечает, что "не было у них пощады даже к самым близким... и старались они сделать добычей мисян собственную страну". Автор "Записки" вспоминает Болгарию времен Симеона и царившую тогда, по его мнению, у них мягкость и справедливость: "Ибо извратилась прежняя их мягкость и справедливость. Их-то уважая раньше больше всего, они воздвигли себе величайшие трофеи. Города и народы добровольно примыкали к ним". Автор "Записки", очевидно, имеет в виду тягу славянского населения Балканского полуострова к симеоновской Болгарии. Зато, как и следовало ожидать от византийского автора, он очень недоволен поведением Самуила и так же, как Иоанн Геометр, описывает современное положение дел в Болгарии самыми мрачными красками. С этим неумолимым врагом у византийского топарха не могло быть ни примирения, ни соглашения. Хотя главным театром военных действий все время была Западная Болгария, но и на Дунае положение византийских гарнизонов, не получавших помощи, становилось все более тяжелым. Постепенно под ударами Комитопулов гибли одни за другими несчастные соседи топарха. Он сам был вынужден отступить и на новом месте строить крепость из остатков разрушенной. Положение казалось таким безнадежным, что созванное топархом собрание местной знати, еще поддерживавшей Византию, увидело единственное средство спасения в том, чтобы отдаться под покровительство "царствующего к северу от Дуная". Время описываемых в "Записке" событий может быть приурочено к периоду от смерти Цимисхия, когда Комитопулы открыто выступили, до 1001 г., когда полководцы Василия II Теодорохан и Никифор Ксифия снова покорили Придунайскую Болгарию, взяли города Великую и Малую Преславу, Плиску, Доростол и другие придунайские крепости. В 1003 г. власть Византии в Придунайской Болгарии была окончательно закреплена. Следовательно, наблюдаемая топархом в первом отрывке констелляция звезд в Борионе могла иметь место в 993 г., когда Сатурн проходил созвездие Водолея, а если принять поправку М. А. Шангина на основании византийских астрономических книг, — то в 1000 г.

Теперь нам остается разрешить вопрос, кто был "царствующий к северу от Дуная", к покровительству которого прибегли теснимые восставшими болгарами топарх и его сторонники.

Если события "Записки" относятся, как мы признали, к области Нижнего Дуная и приурочиваются к последнему десятилетию X в., то возможными покровителями топарха могли быть только венгерский король Стефан и великий русский князь Владимир. Что касается Венгрии, то после хищнических набегов и побед, устрашивших всю Западную Европу в начале X в., венгры потерпели сильное поражение от Оттона I под Лехом в 955 г., значительно их ослабившее, и активная роль Венгрии в делах Восточной Европы начинается только с 70-х годов XI в. К концу X в. в царствование Стефана I происходит

крещение венгров, но новая вера медленно проникала в массы венгерского народа. В Трансильванию венгры начинают проникать при Стефане I. Источники не сохранили следов активного вмешательства венгров в болгарско-византийскую войну. Мы знаем, что Самуил заключил в 999 г. мирный договор с венграми, скрепив его браком своего сына Гавриила Радомира с дочерью венгерского короля. Но, повидимому, византийская дипломатия помешала упрочению дружественных отношений между Венгрией и Болгарией. Зато между Византией и Венгрией при Василии II установились самые дружественные отношения, что, вероятно, и явилось причиной скорого развода Гавриила Радомира с дочерью венгерского короля и изгнания последней из Болгарии.

Дружественные отношения между Василием II и Стефаном делали бы правдоподобным предположение о том, что греческий топарх со своими сторонниками мог искать и получить покровительство венгерского короля, если бы этому не противоречило указание "Записки", что сторонники топарха по быту и нравам не отличались от народа "царствующего к северу от Дуная". Мы знаем, что венгры в указанное время в огромном большинстве еще оставались кочевниками и даже в XII в. еще сохранили пережитки кочевого быта. Зато русские племена, входившие в состав государства великого князя Владимира, действительно были единоплеменниками дунайских болгар и мало отличались от них в своем быту. Бурачков полагает, что Русь в это время была отделена от Дунайской Болгарии печенегами, и потому нельзя сказать, что владения русских князей граничили с землями дунайских болгар. Но исторические свидетельства показывают ошибочность этого утверждения. Еще в летописные времена по Днестру и Бугу вплоть до Дуная сидели восточнославянские племена уличей и тиверцев: "Уличи и тиверцы сидяху бо по Днестру, приседяху к Дунаеви, бе бо множество их седяху по Днестру от до моря. Суть бо гради их до сего дня", - сообщает летописец. В своем продвижении на Запад от низовья Днепра уличи заходят далеко в глубь современной Молдавии, где такие поселения, как Сулучи, Залучи, Лучиу, Улуйцы, говорят о пребывании уличей.1

Связи между растущим русским государством, центром которого было среднее Поднепровье, и Дунаем были очень тесны. Мы не говорим о торговых караванах русских, которые регулярно заходили в устье Дуная. В XI, XII—XIII вв. и позднее по Пруту и Днестру и даже в Трансильвании сохраняются русские поселения. Анна Комнина сообщает о самостоятельных князьях, правивших на нижнем Дунае; в числе их она называет русского Всеслава, правившего в Вичине. Русские не сплошь занимали территорию нижнего течения Дуная. Атталиота говорит о множестве городов по Дунаю, а население их называет многоязычным. Еще в начале XII в. на Дунае русские играют активную роль.

В 1116 г. Мономах посылает на Дунай Ивана Войтишича, который сажает в подунайских городах княжеских посадников, причем для этого Мономаху не пришлось прибегать даже к военным действиям. В XII в.

¹ М. С. Грушевский. Киевская Русь, стр. 240—256. Н. Барсов. Очерки русской исторической географии. В. В. Мавродин. Русские на Дунае. "Ученые записки", № 87. Серия гуманитарных наук, стр. 4—17.

² Ю. Кулаковский. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата. "Византийский Временник", 1897, т. IV, вып. 3—4, стр. 322; В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. ЖМНП, 1872, ч. XII, стр. 305.

вся Подолия, Галичина, Буковина, Молдавия, Бессарабия входят в состав Галицкого княжества древней Червоной Руси. Наличие не отдельных русских жителей, а целых русских поселений по Днестру и Дунаю подтверждает Воскресенская летопись, в которой находим длинный список городов русских по Днестру и Дунаю. Таким образом, наличие русских поселений к северу от Нижнего Дуная не вызывает сомнений. В то же время мы знаем, что никогда авторитет великого князя киевского в Восточной Европе не стоял так высоко, как при Владимире. Владимир по существу закончил объединение восточнославянских племен. Летопись сообщает, что в 981 г. он подчинил себе Волынь и Галицию. В следующем году он идет против восставших вятичей; в 983 г. "иде Володимер на ятвяги и победи ятвяги и взя земли их". В 984 г. Владимир воевал с болгарами. Ф. И. Успенский полагал, что Владимир вмешался в борьбу между дунайскими болгарами и Василием II, но Б. Д. Греков убедительно доказал, что Владимир воевал с камско-волжскими болгарами.

Отношения с Византией при Владимире претерпели немало резких изменений. Как свидетельствует Яхъя Антиохийский, у Владимира с Византией долгое время были враждебные отношения. В 987 г. эта вражда заменяется союзом, посылкой шеститысячной дружины в Константинополь, которая в двух сражениях разгромила Варду Фоку. Владимир спас Василия ІІ от гибели. Но так как Василий ІІ не выполнил условия договора и отказал Владимиру в выдаче замуж своей сестры, то Владимир в 989 г. пошел в Крым и после нескольких месяцев осады взял Херсонес. Эта катастрофа произвела глубокое впечатление в Византии. Василий должен был заговорить другим языком. Он сейчас же посадил Анну на корабль и доставил в Херсонес. За этим последовало бракосочетание Владимира и крещение Руси. Владимир и после крещения держался по отношению к Византии достаточно самостоятельно. Главой русской церкви и настоятелем построенной Владимиром Десятинной церкви стал Анастас, который предал Херсонес Владимиру. Владимир вел самостоятельные сношения с болгарской церковью, вызывал на Русь болгарских церковников, выписывал церковно-богослужебные книги на славянском языке. Но родственные связи с византийским двором и начатая Владимиром христианизация Руси вынуждали Владимира поддерживать дружественные отношения с Византией. Он не отозвал варяго-русской дружины из Константинополя, и она играла славную роль в течение всего царствования Василия II. В 1016 г. войска Владимира и Василия II Болгаробойцы предприняли совместный поход против хазар, одержали быструю победу, и остатки хазарских владений были разделены между союзниками. Следует предположить, что в период наибольших успехов Самуила теснимый восставшими болгарами и отрезанный от Византии византийский топарх на Λ унае со своими сторонниками из местного населения, скомпрометированными сотрудничеством с Византией, мог спасения и покровительства у русского князя Владимира.

И для нас не может представлять ничего удивительного, если великий князь Владимир, зять Василия II, дружественно отнесся к византийскому топарху и не только оставил под его властью небольшой город Климаты, но и предоставил целую сатрапию и, сверх того, подарил в своей земле достаточные ежегодные доходы. Даруемая

¹ ПСРА, т. VII, стр. 240.

² Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1944, стр. 273.

пограничная территория могла рассматриваться как его собственная. Во всяком случае его решение было авторитетным для врагов топарха, которые к тому же, как видно из текста, не располагали значительными силами на нижнем Дунае.

Васильевский считал, что время Владимира никак не подходит для объяснения отрывков, так как "в 993—996 году мы не можем допустить меприязненных отношений Руси с греками". Но из изложенного видно, что таких неприязненных отношений не было. Врагами топарха, заставившими его искать покровительства русского князя, были болгары Самуила, а не руссы Святослава.

При этом топарх все же недобровольно отдался в руки киевского князя. Как видно из текста "Записки", он созвал собрание знати из своих сторонников для того, чтобы они объявили себя византийскими подданными и подкрепили его силы, и только по требованию собрания согласился заключить с киевским князем договор и предаться ему, причем сделал это потому, что у него не было другого выхода.

Ф. И. Успенский считает невероятным, чтобы византийский чиновник Х в., не поискав другого выхода, хотел подчиниться "царствующему на север от Дуная" и таким образом совершить акт государственной измены. Но сам же Ф. И. Успенский признает, что топарх действует с исключительной энергией потому, что находится в исключительных обстоятельствах. Во время византийско-болгарской войны при Василии II, находясь в тяжелых условиях, византийские должностные лица неоднократно действовали весьма самостоятельно и нередко проявляли собственную инициативу. Так, в открытом В. Г. Васильевским "Стратегиконе Кекавмена" в главе о разумном начальнике крепости Кекавмен рассказывает следующее: "Когда дед мой Кекавмен был в Лариссе, имея власть над Элладой, тиран болгарский Самуил много раз пытался то войной, то хитростью овладеть Лариссой, но всякий раз был отражаем и посрамляем. (В свою очередь дед мой) то преследовал его войной, а то старался смягчить его самого и приближенных подарками. Поступая так, он имел беспрепятственную возможность сеять и жать и таким образом сохранять своих людей в довольстве. Когда же увидел, что тиран совершенно взял верх, то он провозгласил его (т. е. признал своим государем) и таким образом, опять проведя его, посеял и сжал. Он написал к порфирородному императору Василию, что я-де, святой мой господин, вынужденный отступником, велел лариссийцам провозгласить его, и они с богом сеяли и жали, и молитвами твоей царственности я собрал плодов столько, что лариссийцам их будет достаточно на четыре года, и вот мы теперь опять — рабы твоей царственности. Узнав об этом царь одобрил хитрость моего деда".2

Таким образом, мы видим, что "Записка топарха" не имеет никакого отношения ни к Крыму, ни к крымским готам. Автор "Записки" — византийский чиновник, а не крымский владетельный князь. Точно так же ни Святослав, ни хазары не имеют никакого отношения к "Записке". Эта "Записка" проливает новый свет на историю греко-болгарской борьбы при Василии II и Самуиле. Удивительным образом болгарские историки до сих пор не обратили внимания на этот источник,

¹ В. Г. Васильевский. Записка греческого топарха. "Труды", т. II, вып. 1, стр. 206.

² В. Г. Васильевский. Советы и рассказы византийского боярина XI века. ЖМНП, 1881, ноябрь, стр. 103.

важный для эпохи героической борьбы болгарского народа за свою независимость.

"Записка" показывает отчаянные усилия византийских властей удержаться в Придунайской области в период наибольших успехов Самуила. Это был период, когда Византия пыталась восстановить старые римские границы в Придунайской области и наталкивалась на ожесточенное сопротивление болгарских народных масс, борющихся за свою независимость. "Записка" знакомит нас с византийскими администраторами конца X в., которые развивают большую активность, проявляют гибкость и изворотливость. Подобных примеров самостоятельных действий византийских администраторов времени Василия II мы можем привести немало. Достаточно вспомнить, например, какую находчивость, соединенную с чисто византийской неразборчивостью в средствах, проявляли во время подавления болгарского восстания такие сподвижники Василия II, как Константин Диоген при овладении Сирмием, Евстафий Дафномиэлис при обезвреживании опасного болгарского вождя Иваца.

Но "Записка топарха" важна в то же время как новое доказательство тесных связей древней Руси с придунайскими странами в конце X в. и как иллюстрация того влиятельного положения, которое занимал

в то время русский великий князь в Восточной Европе.

Вместе с тем "Записка топарха" является важным источником, показывающим наличие русского оседлого населения в придунайских областях и в устье Днестра, где в половине XI в. в Маврокастроне была даже учреждена церковная митрополия, получившая название Новой России.